

Это был первый раз, когда Вэнь Чаннин увидел Чэнь Юаньцзя.

Тот был облачен в ярко-красные свадебные одежды, черные волосы собраны и зафиксированы золотой короной; чистый, изящный и утонченный, с тонкими длинными бровями, яркими глазами и улыбкой на губах. Худощавое тело держалось прямо, пожалуй, оно казалось немного хрупким, но от всего его облика исходило буйное, радостное воодушевление.

Вэнь Чаннин почувствовал в нем некую болезненность.

Среди всеобщего ликования и оживленной атмосферы толпа во главе с Гу Чанъянем преградила Чэнь Юаньцзя путь у дверей, однако тот держался совершенно невозмутимо и спокойно. Сложив руки в приветственном жесте и улыбаясь, он выказал полную покорность и произнес:

— Гу Чанъянь, позволь мне войти и забрать твою сестру?

Шедшие с ним люди тут же подняли шум: забили в гонги и барабаны, осыпая всех деньгами и свадебными сладостями — стояло невероятное веселье.

Гул голосов стоял такой громкий, что дальше Вэнь Чаннин уже ничего не расслышал.

Когда вокруг снова стало тихо, Гу Чанъянь попросил Чэнь Юаньцзя сочинить стихотворение, торопящее невесту к выходу.

Вэнь Чаннин почувствовал легкое удивление. Он не видел выражения лица Гу Чанъяня, но сегодня тон, манеры и поведение Гу Чанъяня разительно отличались от обычных: он был искренен с гостями, изворотлив, любезен со всеми и чувствовал себя абсолютно непринужденно.

В те дни, что они провели вместе раньше, характер Гу Чанъяня казался Вэнь Чаннину тихим, а его темперамент — подобным воде.

Большую часть времени они держались вежливо и не мешали друг другу.

Но если копнуть вглубь, они вовсе не знали друг друга досконально, и тишина вполне могла быть лишь частью характера Гу Чанъяня.

Вежливость проявляют к тем, с кем не близки.

Даже Гу Чанъянь на самом деле не знал Вэнь Чаннина.

В последние дни Вэнь Чаннин порой задумывался о том, почему Гу Чанъянь тогда приютил его.

Если поставить себя на его место: встретить он кого-то, кто одновременно и попаданцевец, и способен становиться невидимым, он бы наверняка приютил этого человека, окажись тот хорошим — в конце концов, подобная встреча была поистине удивительной.

Даже несмотря на то, что период юношеского максимализма у него уже прошел, Вэнь Чаннин считал это невероятно крутым, пока сам не оказывался тем самым человеком, что попал в другой мир.

Но что насчет Гу Чанъяня?

Человек древности, умный отпрыск чиновного рода.

Вэнь Чаннин не мог этого знать.

Возможно, здесь было сострадание, возможно — простое любопытство, а может, и что-то еще.

В конце концов, человек, обладающий способностью становиться невидимым, мог совершить слишком многое.

Это была реальность, которую Вэнь Чаннин, пожалуй, подсознательно избегал.

Невидимость — это существование с уровнем чита-код.

Можно делать всё, что заблагорассудится, можно убивать и сжигать, можно проникать повсюду, словно в пустой дом.

Даже в императорский дворец, прямо к верховному правителю этой династии, Вэнь Чаннин мог бы заявиться без труда.

И все же, как бы то ни было, ему нужно было жить дальше. Если бы Гу Чанъяню понадобилась его помощь — при условии, что это не какое-то грязное дело — он бы помог в знак благодарности за приют.

Наверное, здесь было слишком шумно, раз уж Вэнь Чаннин стоял и думал о столь многом.

— Кхе... Брат Чаннин, пойдете, они уже собираются входить.

Заметив, что Вэнь Чаннин погрузился в задумчивость, Чжао Лань невольно забеспокоился и, глядя вперед, прикрыл рот рукой и заговорил вполголоса.

Вэнь Чаннин пришел в себя и обнаружил, что Чэнь Юаньцзя уже закончил стихотворение и

толпа людей, окружив его со всех сторон, готовится вступить во владения усадьбы.

Вэнь Чаннин поспешно увел Чжао Ланя подальше, направляясь к внутреннему двору Гу Юэкоу, чтобы дожидаться, пока жених заберет невесту из ее покоев.

— Барышня, барышня, молодой господин уже подходит к дверям комнаты!

Хуа Лин, одна из личных служанок Гу Юэкоу, вбежала в комнату в полной спешке, чтобы принести весть.

— Знаю.

Гу Юэкоу сидела перед туалетным столиком в ярко-красном свадебном наряде. Выражение ее лица было спокойным, а руки крепко сжимали традиционный веер из перьев фазана, лежавший на коленях. Услышав слова Хуа Лин, она спокойно ответила:

Внешность Гу Юэкоу досталась ей от родной матери, унаследовав типичную для представлений большинства прелесть и свежесть цзяннаньских девушек.

Ее истинный облик не был ни дерзким, ни вызывающим: лицо словно белый лотос, изящная и нежная, с тонкой талией, грациозная и изящная, прекрасная и хрупкая.

Но сегодня был день свадьбы Гу Юэкоу, и макияж на ее лице делал ее еще более яркой и пленительной, чем обычно: брови были слегка тронуты тушью, губы — подкрашены алым, а в глазах сиял чистый свет.

Ныне нефритовые шпильки с головами фениксов и красный свадебный наряд служили лишь достойным обрамлением для этой невесты.

Именно такую прекрасную Гу Юанькоу и увидел Чэнь Юаньцзя, войдя в комнату.

Он невольно замер от изумления, а окружающие с добродушием подняли шумок:

— Молодой господин, чего же ты не спешишь встретить свою невесту в ее покоях?

— Что с молодым господином? Смотрит на невесту и аж языком проглотил.

Через свой веер из перьев Гу Юэкоу бросила на Чэнь Юаньцзя любопытный взгляд своими сияющими глазами.

Значит, это и есть ее будущий муж?

— А-Юэ, я пришел за тобой.

Чэнь Юаньцзя протянул руку, ожидая ответа от той, с которой собирался прожить до седых волос.

Девушка, в которую он влюбился с первого взгляда в восемь лет, сегодня должна была стать его законной женой — как же ему было не радоваться?

Глядя на Чэнь Юаньцзя, в глазах которого плескалась нежность, Гу Юэкоу почувствовала, как волнение в ее сердце во многом улетучилось.

Будь смелее, Гу Юэкоу.

Изящная тонкая ручка легла на слегка онемевшую ладонь Чэнь Юаньцзя.

Почувствовав мягкость кожи, Чэнь Юаньцзя крепче сжал ее пальцы.

Вокруг царило оживление. Гу Чанъянь стоял у дверей и случайно заметил Чжао Ланя, стоявшего у стены внутреннего двора.

Поняв, что Вэнь Чаннин тоже там, Гу Чанъянь чуть заметно улыбнулся уголками губ и слегка помахал рукой в знак приветствия.

Забрав невесту, Чэнь Юаньцзя повел людей на передний двор, чтобы засвидетельствовать почтение ее родным.

В парадном зале на почетном месте сидел Гу Сюй. Наложница Фу, будучи всего лишь побочной супругой, не имела права занимать главное место, но как родная мать Гу Юэкоу она могла лично выйти, чтобы проводить дочь.

— Отец, матушка-наложница.

Гу Юэкоу опустилась на колени перед родными, и в этот момент неопишуемая тоска, что доселе таилась на самом дне ее сердца, вдруг хлынула наружу. Мысль о том, что сегодня она навсегда покидает место, где прожила девятнадцать лет, и больше не сможет заботиться о матери и отце, заставила ее глаза покраснеть.

Чэнь Юаньцзя почтительно опустился на колени рядом с Гу Юэкоу.

Заметив, что она вот-вот расплачется, он украдкой сжал ее руку под прикрытием широкого рукава.

— Хорошая моя, ступай.

Глядя на младшую дочь, которую он всегда так баловал, Гу Сюй почувствовал легкую грусть на сердце от осознания того, что она наконец покидает дом.

Наложница Фу не обладала таким спокойствием, как Гу Сюй. Сдерживая слезы, она высказала родной дочери всё самое сокровенное.

После этого Гу Юэкоу покинула усадьбу и села в свадебный паланкин. Чэнь Юаньцзя впереди верхом на благородном скакуне возглавил процессию, и звуки гонгов и барабанов постепенно затихли вдалеке.

Впредь Гу Юэкоу будет не так-то просто вернуться домой.

Судя по всему, Чэнь Юаньцзя должен оказаться неплохим человеком, и это было хоть какой-то отрадой.

Стоя у главных ворот, Вэнь Чаннин слегка засмотрелся вслед удаляющейся свадебной процессии.

Ещё недавно переполненные до отказа ворота после ухода процессии вмиг опустели.

Когда Вэнь Чаннин вернулся в беседку Слушания Вёсен, Гу Чанъянь еще не вернулся.

Бесцельно прогуливаясь по двору, Вэнь Чаннин заметил у садовой стены беседки большую беломраморную кадку. Сейчас стояли холода, и росшие в ней растения давно завяли, так что слуги уже успели все очистить.

Поверхность воды в кадке затянуло льдом. Вэнь Чаннин подошел ближе и, заглянув внутрь, с удивлением обнаружил на самом дне золотящиеся золотые вещицы и источающие мягкий блеск жемчужины.

Эти сокровища покрывали илистое дно едва ли не сплошным ковром.

Вэнь Чаннин невольно цокнул языком. До чего же богаты! Даже в обычной кадке валяются золото, серебро и драгоценные камни.

Он спросил Чжао Ланя:

— Это еще что такое?

— О, брат Янь иногда забрасывает в кадку всякие вещицы, вроде как для игры в туху, —

ответил Чжао Лань.

Люди обычно бросали туда стрелы, а что бросал Гу Чанъянь? Настоящие богатства.

Умеют же люди жить на широкую ногу.

Вэнь Чаннин мысленно покачал головой.

Глядя на нефритовый чан, он почувствовал искушение попробовать, но испугался: а вдруг подведет глазомер и он ударит о бортик? Вот будет позор-то. И с этой мыслью он оставил свою затею.

<http://bllate.org/book/18800/1827392>